

КОГДА актер сам начинает снимать фильмы, это вызывает любопытство. Когда режиссер начинает писать рассказы — легкий скепсис. Но ваш переход на административную работу, Ролан Антонович...

— Знаю, зачем мне это нужно, да? Я этот вопрос уже слышал. И у многих в глазах видел ответ: продался — за карьеру, за власть. Когда самого били — оборонялся до начальства, а как только получил возможность... Да, было в этом смысле вокруг меня явное подозрение. И я тогда подумал: как же так? Ко

ли: «Кругом!» И, что самое неприятное, те, кто так недавно писал об ужасе и разложении на Каннском фестивале, сегодня сокрушаются, что нет у нас, к сожалению, картины, достойной Канн.

— «ЗОЛОТУЮ шпагу» делали уже известные художники. Автор сценария Александр Александров, режиссеры Геннадий Шумский и Вячеслав Соколов. Но в основном ставку вы делаете на дебютантов. Почему? Ведь фильмы для детей, молодежи — очень сложная, тонкая работа, требующая

феномен 60-х не заметили. Говорят, что нет и нового кино...

— Почему не заметили — понятно. Критика была прейскурантная, ориентированная на генеральские погоны того или иного режиссера. По-настоящему первым режиссером фильмов о войне был Алексей Герман. Но пришлось закрыть его картину, потому что место «первых режиссеров» фильмов о войне было уже занято... Часто фильмы закрывались-то не по политике. Кино наше вообще было аполитично. Даже папа римский лет двадцать назад настоятельно советовал про-

несчастны, оказались на отшибе кинематографа. А центр искусства смещается, и СК этого не замечает.

В стране, которую пока еще нельзя назвать телевизионной, где 180 миллионов потенциальных зрителей, кинематограф убыточен! Это большая странность. И объяснить ее можно только тем, что наш кинематограф работает на зрителя, которого не существует, который не ходит в кино. Фильмы снимаются друг для друга, для фестивалей, в лучшем случае — на кассу. Да и то как получится. А я говорю о детском кино, о том, что

заял: «Ну тогда все американское кино — детское». И я сказал: «Конечно! Это же все — сказки...». И он вдруг рассмеялся.

И ведь действительно, почти все американское кино — детское. Это нормальные сказки, но только действуют в них не мушкетеры, а, например, полицейские. Есть злые герои и добрые, продажные и благородные. Добро побеждает зло.

Так вот, мы хотим восстановить жанровое кино. Сказка, фантастика, приключения, исторический фильм, фильм о животных и комедия, — мне кажется, это основные направления.

Впрочем, все наши замыслы сегодня — воздушные замки...

— Так уж и воздушные? Снято шесть фильмов, многие — в работе. Грандиозные проекты, филиалы центра в республиках...

— Да, кое-что сделано. В свое время я сказал Горбачеву: если нет денег — дайте самостоятельность. Самостоятельность эта просто развязала нам руки. К

ли в Строгине для строительства новой студии. Мы освобождены от налогов, от пошлины, нам остается вся валюта...

— ТАК что же вас беспокоит? Переход к рынку?

— Я не против рынка вообще. И я за программу Шаталина. Нельзя больше этому кораблю стоять у причала, а команде драться и криком решать, в какую сторону плыть в Индию. Надо двигаться, в конце концов. Потому что буря начинается, и надо выйти в открытое море — иначе конец. Может, найдем Америку по дороге в Индию, как Колумб? Но в этот момент, когда штормит, детей, женщин надо в трюм — укрыть, не дать им там умереть с голоду и от страха.

Параллельно программе приватизации нужна какая-то социализированная программа обратных инвестиций. Иначе мы все погубим.

То, что сейчас происходит, при отсутствии культуры чрезвычайно опасно. Потому что власть без культуры — это власть выше закона. И это всегда было проблемой России. Вечная мечта о хорошем царе и дикая ненависть к реальной власти только потому, что она — власть. Это противопоставление Ельцину Горбачеву, эта всегдашняя пугачевщина...

А что такое демократия без культуры? Это Сумгаит. Это, знаете, легенда о древнем Новгороде. Да не было там никакой демократии! Отдельно — власть белой церкви, отдельно — черной. Власть князя во время войны. Отдельно — власть посадских, гильдий, каждой улицы и каждого переулка. И тут герой тот, кто может взять ось тележную и всех отлупить, как Васья Буслаев...

Выступают депутаты — Лихачев, Басилашвили, говорят в культуре, о том, что она исчезает безвозвратно. Им аплодируют и тут же забывают, занимаясь прагматикой. Это глубокое непонимание: нельзя строить рыночную экономику при отсутствии культуры. Ведь сразу встанут вопросы: рыночная экономика и образование, рыночная экономика и дети, наука, культура. Как они будут решены?

Есть два пути. Первый — японский и западногерманский. Послевоенная разруха, но при всей жесткости экономических подходов там очень много было вложено в детей, в образование. И эти страны восстали из пепла. Второй — бразильско-мексиканский путь, когда все вложили в экономику и в конечном итоге пришли к полному кризису. И уже неоткуда брать инвестиции — сплошные долги.

Мы идем по бразильско-мексиканскому пути, потому что о культуре — потом. О культуре — во-первых, о всем остальном — потом! Потому что без культуры невозможна демократия, а без нее — экономическое движение вперед. Без убийств и танков на улицах.

Я с большим уважением слушаю наших экономистов. Они — специалисты по рынку. Но по какому рынку? По западному? У нас разве такой рынок будет? Или тот, который функционирует только при постоянном патрулировании военных и милиции?

Нужна цивилизованность. Нужно отделить государство от рынка, потому что их интересы не всегда совпадают. Нужно при всех наших трудностях защитить детство. Дети в нашей стране и так лишены всего, даже здоровья, не говоря уже о радости. Мы превратились в страну национального бедствия детей. И я готов заявить об этом во всеуслышание с любой международной трибуны.

Люди не видят собственной гибели. Они, слава Богу, поверили наконец в то, что своими руками разрушают воздух, землю и воду. Поверили в экологию. Но никто не понял, что детство — это экологическая ниша духовного существования человечества, последняя надежда нации на возрождение. Убить эту надежду — и зачем тогда жить?..

Записал Андрей ЛАПИК.

БРИЛЛИАНТОВЫЕ

ГОДЫ

мне все так хорошо относились, так верили. И только из-за самого факта, что стал секретарем?

— Но ведь до V съезда кинематографистов вы действительно не занимались никакой общественной работой?

— Да, лет тридцать не был ни на одном собрании. Потому что смолodu очень горячо за это брался, даже был секретарем комсомольской организации. И вот однажды, лет в 26—27, оглянулся и сказал себе: вот это, наверное, мое тысячное совещание, больше я сюда никогда не приду.

Как-то я прочел у Сальвадора Дали: художник — рисует. И подумал: как просто — актер — играет. Вот где твоя общественная, социальная позиция — говори.

Так я и жил 30 лет. А потом вдруг все переменилось: стал секретарем СК, выбрали депутатом, потом — членом коллегии. Потом я организовал этот центр, и вот — премьера. Я шел к этому дню мучительно, сомневаясь, отдавая свои лучшие, бриллиантовые, годы, — не зря ли? Ведь эти пять лет, от 55 до 60, — это последняя возможность сыграть и поставить то, что не успел за всю жизнь. Так стоило ли их отдавать? Вот сейчас и посмотрю.

Я долго ждал этого дня. И вот наконец он настал. Сегодня в Москве дебютирует первый фильм Всесоюзного центра кино и телевидения для детей и юношества — «Золотая шпага». А вслед за ним зрители увидят еще пять картин. Фильмы совершенно разные, но, как мне кажется, очень интересные.

— И все же вы начали именно со сказки?

— Это вполне естественно: главная ориентация — на маленьких. Но, я думаю, фильм будет смотреть и большие — все, кто соскучился по красоте в искусстве, по изяществу, высокой тональности фильмов. Но это вовсе не утешительский, не украшательский фильм. Я бы даже сказал, что по смыслу он очень трагичен. Он о связи живой души с мертвой природой и мертвой природы — с живой душой.

— Поймут ли дети?

— Конечно, поймут. Дети больше понимают. Потому что детское понимание гораздо шире, глубже нашего прагматического: не знал — узнал. Для них «понять» — значит почувствовать, ощутить образно. У ребенка синкретическое сознание, он еще не делит мир на философию, науку, политику. Для него художественный образ неразделим. Вот он почувствует героя, который погибает, заплачет — значит поймет очень глубоко и запомнит на всю жизнь.

Поймут и взрослые — уже сознательно.

— Им тоже нужна сказка?

— При том всплеске самоцельной «правды жизни», которая используется исключительно в коммерческих целях, которая лишена боли, духа... Зрители устают от такого кинематографа. Мы — как команда, которой сказа-

профессионализма, опыта?

— Потому что детское кино умерло, нет людей, которые могли бы его делать. И нам приходится все начинать заново.

Мы ведь сейчас снимаем только два жанра картин — повесть и обозрение. Даже если это комедия или исторический фильм. Мы освоили эти два жанра из-за их простоты и дешевизны производства. Я даже иногда подозреваю, что нам потому и дают так много премий на фестивалях — за экзотику. Так пользуются иногда популярностью танцы народов Севера. Жюри так приятно, это так трогает их сердца: смотрите, русские могут позволить себе благородную повесть. Конечно, если она талантливо сделана... А западное кино позволить себе такой роскоши — идти мимо зрителя — не может.

В этом смысле героем оказался Спилберг. Он массовое кино повернул к ребенку, и оно немножко одухотворилось. Мы хотим сделать несколько обратных движений — детское кино должно быть массовым. Оно останется одухотворенным и приобретет характер массового кинематографа. Мы пытаемся восстанавливать богатство жанра, трюка, чудес, восстановить позиции старого детского кино, которое считалось когда-то первым в мире. Тогда были «Остров сокровищ» и «Дети капитана Гранта», «Новый Гулливер», русские сказки. Были традиции и мастера. Сейчас даже нет цехов комбинированных съемок. Все утеряно.

Я часто задумываюсь, почему так произошло. Ведь, смотрите, все дебюты 60-х — Тарковского, Данелии и Таланкина, Андрона Кончаловского, Ларисы Шепитько — это фильмы о ребенке. Даже дебют Бондарчука в «Судьбе человека»...

Почему? Да потому что тогда, в оттепель, узнав правду или часть правды о Сталине, отделив его имя от всей нашей истории (так удалось это сделать Хрущеву), мы все еще остались «верующими». А мы именно веровали — страшно только, что наша вера была построена не на милосердии, а на ненависти, что были мы верующими «армии бесовской». Веровали и искали своего рыцаря без страха и упрека. Последним таким рыцарем был, конечно же, ребенок. И, надо признаться, из всех международных премий я очень горжусь той, которую дали моему маленькому герою фильма «Внимание, черепаха!» за лучшую мужскую роль. На взрослом фестивале!

— Искусствоведы, кстати говоря, этот

пагандировать советские фильмы, потому что они: «а» — всегда моральны и «б» — не содержат никакой революционной идеи.

То, что выдавалось за большую политику, по сути было обыкновенными играми аппарата, за которыми скрывались нормальные интриги, идущие между художниками. Очень хорошие фильмы запрещались, но сейчас даже никто не может понять: что же в них было крамольного? Я спросил у одного человека, который запретил картину Германа: сейчас-то ты мне можешь сказать, за что ее не пустили? «Сейчас и не помню...» Понимаете, какая ситуация была?

Когда сменилось руководство Союза кинематографистов, мы вроде бы решили, что так больше не будет. Много шумели, сделали молодежную конференцию. А потом вдруг забыли о молодых. Появились у нас новые генералы, и пошли адъютантские премии.

И вот, грустно подводя итоги, Смирнов говорит, что новое кино так и не появилось. А мы собрали все дебюты между съездами СК. Их оказалось 330. Сколько человек пришло за это время в кинематограф! И когда мы собрали эти фильмы, этих людей вместе на фестивале «Дебют», организованном нашим центром, стало ясно: новое кино есть, оно существует. И кино безумно интересное.

— ОДНАКО фестиваль прошел как бы полулегально: никто из секретарей СК не пришел, мало прессы, рекламы...

— Знаете, что такое столичный провинциализм? Я впервые ощутил его в Париже, когда увидел там «Бориса Годунова» — очень смешную оперу, где сцена у фонтана превратилась в сцену в бане с голыми девочками. Я просто не смог удержаться от смеха — на меня даже обернулись зрители в зале. Но ведь то, что я увидел — это и есть провинциализм. Но — в столице. В такую ситуацию попадает СК сегодня.

Драматург Виктор Мережко, человек, которого я очень люблю и который решил лично поддержать наш фестиваль, брал интервью у его участников и все пытался узнать: наверное, вы ощущали свое одиночество? Ребята смотрели на него и не понимали: почему? Мережко объяснял: ну, не чувствовали к себе внимания? Ему действительно казалось, что, если он — Мережко, Климов или Смирнов не пришли на открытие фестиваля, значит люди совершенно обездолены;

РОЛАН БЫКОВ: «Нужно при всех наших трудностях защитить детство. Дети в нашей стране и так лишены всего, даже здоровья, не говоря уже о радости...».

нужно повернуть его к зрителю. Потому что 83 процента зрителей — это люди до 21 года. Им нужен другой кинематограф. Но об этом не думает никто.

Кстати, когда я разговаривал с бывшим руководителем «Коламбия пикчерс» о детском кино и предлагал сотрудничество, он очень скучно к этому отнесся — детское кино его не интересовало. Но когда я ему рассказал, как сам понимаю детское кино, он посмотрел на меня недоверливо, если не сказать сердито, и ска-

нам потянулись люди. Мы даем им возможность работать. Созданы условия для великого режиссера Норштейна, наконец-то ему нашли помещение, построили плавающий пол, который необходим для съемок... Есть несколько крупных режиссеров со своими студиями, которые хотят переходить к нам в центр. Скоро привезут оборудование, и у нас будет одна из лучших студий ТВ, видеостудия. Нескольких человек послали учиться за границу. Нам отведено 30 гектаров зем-